

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 330.101

НЕТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ Часть I. КНИГА О ПОВЫШЕНИИ ПОЛЕЗНОСТИ НАУКИ ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Л.А. Карасёва

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Представлен обзор новой книги Виктора Тимофеевича Рязанова «Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза» [1] – известного ученого-политэконома, доктора экономических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, заведующего кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, очень значимой, по нашему мнению, по глубине профессионального анализа заложенного в классической политической экономии методологического и аналитического потенциала для ее развития и современного использования; исследования современных проблем глобально-монополистического капитализма и его хозяйственной практики, перспектив и направлений общественно-экономического развития; по количеству интересных идей, методологических и теоретических вбросов, размышлений и выводов. Первая часть обзора посвящена анализу ученым проблемы кризисной ситуации в экономической науке, обоснованию необходимости разворота в экономической теории, а также новых подходов как в общественных науках, так и в идеологии и социально-хозяйственной практике.

Передо мной новая книга Виктора Тимофеевича Рязанова «Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза». Почему появилось желание написать о ней? Во-первых, потому, что это не просто обращение к классической политической экономии с целью возвращения ее научного статуса, но и глубокий профессиональный анализ заложенного в ней методологического и аналитического потенциала для ее развития и современного использования. Автор исходит из назревшей потребности «развивать марксистскую экономическую теорию в тесном взаимодействии с новыми альтернативными неоклассике научными школами...» [1, с. 9]. По мнению В.Т. Рязанова, это «вполне оправданно обозначить как появление *новой марксистской политической экономии*, опирающейся на идею неомарксистского синтеза» [1, с. 9]. Согласимся с ученым, что данная книга посвящена «возможностям и преимуществам такого синтеза, тому, что он дает для изучения современного капитализма...» [1, с. 9].

Во-вторых, она посвящена методологии политико-экономического исследования современных проблем «глобально-монополистического капитализма и его хозяйственной практики, перспектив и направлений общественно-экономического развития» [1, с. 4], политэкономического взгляда на которые не хватает многим научным работам «для достоверного и

точного понимания социально-классовой природы» [1, с. 4] современной мировой и отечественной экономики.

Наконец, желание написать о книге возникло еще и для того, чтобы привлечь внимание широкого круга читателей к изучению новой работы В.Т. Рязанова. Представляется, что доверие и уважение к идеям, представленным в ней, возникающие после ее изучения и связанные не только с обоснованностью идей и выводов, но и авторской щепетильностью в изложении взглядов ученых, в заочных дискуссиях с ними, передадутся научному сообществу, вызвав желание участвовать в этих дискуссиях, вырабатывая для себя ту или иную точку зрения на развитие современной политической экономики.

Книга содержит настолько много интересных идей, методологических и теоретических вбросов, размышлений и выводов, что в обзоре невозможно их все охватить. Да и нет в этом необходимости, ибо даже краткий обзор содержания труда В. Т. Рязанова, как нам представляется, вызовет профессиональный интерес у читателей, которые обязательно найдут «пищу» для размышления в рамках своих научных интересов. Именно поэтому в обзоре предоставим прежде всего слово автору книги, чтобы не потерять её внутреннюю логику, содержательную целостность, не разрушить авторский методологический подход к исследованию столь важной и сложной темы. Это не означает, что в книге нет дискуссионных моментов, более того, В.Т. Рязанов в ряде мест в какой-то мере даже сам провоцирует встречные вопросы, вызывая желание в чем-то возразить или продолжить разворачивание обозначенных идей. Но *цель обзора* другая – познакомить специалистов не только по политической экономике и экономической теории, но и экономистов, социологов, философов и др., всех, кому интересны проблемы современного экономического развития, с трудом, который предлагает их разрешение на основе «повышения полезности науки для общества и хозяйственной практики» [1, с. 68], науки, развивающейся через «полномасштабное развертывание междисциплинарных исследований» [1, с. 68]. Представляется, что в рамках данного обзора наиболее подходящим его вариантом будет раскрытие содержания книги через развертывание структуры работы, предложенной автором.

Глава 1: «Экономическая наука на перепутье» [1, с. 13–69] посвящена постановке проблемы, связанной с кризисной ситуацией в экономической науке, обоснованию необходимости разворота в экономической теории, а также новым подходам «как в общественных науках, так и в идеологии и социально-хозяйственной практике» [1, с. 13]. Именно потому, что постановка проблемы в любом исследовании является едва ли не самым главным, остановимся на этой главе более подробно.

Глава начинается (пункт **1.1.** «Модели теоретического знания в экономике» [1, с. 13 – 21]) с раскрытия исторического процесса развертывания научного знания в сфере экономики через ряд фундаментальных направлений, соответствующих разным способам «отображения хозяйственной жизни со своими подходами к обоснованию логики (закономерностей) и механизмов ее функционирования [1, с. 13]: классическая политэкономия, неоклассическая экономическая теория и ее постнеоклассическая версия» [1, с. 13 – 14]. Но что особенно важно, проводимое исследование не носит описательный характер, а представляет собой критериальный анализ обозначенных направлений. В качестве основных критериев выделим: парадигмальное основание,

методологическое ядро, подходы к определению характера истинности знания, доведенного в последнем направлении до замещения ее целью, меняющиеся статус и функции представителей науки [1, с. 1, 14–17]. При этом автор замечает: «...путь развития экономической теории не означает, что каждая последующая версия «закрывает» своих предшественников» [1, с. 14]. Каждая из теоретических моделей экономического знания «продолжает развиваться, сохраняя свои позиции и предлагая ответы на новые проблемы, продолжая конкурировать со своими научными оппонентами» [1, с. 14].

Заметим, у заинтересованного читателя уже на этом этапе возникает вопрос, *провоцирующий исследовательскую проблему понимания соотношения развивающихся направлений*, имея в виду их разные парадигмальные основания, которая должна быть решена, если в конечном итоге ставится задача *синтеза* на основе определения реальной значимости каждой из этих моделей с учетом накопленного в них исследовательского ресурса и инструментальных качеств. По мнению В.Т. Рязанова, «разные их возможности дают основание выделять классику в осмыслении и практической деятельности в сфере экономики» [1, с. 17]. А именно: автор делает вывод, – «выбор воспроизводственного подхода к экономическим отношениям и его использование в процессе развития классической политэкономической школы сформировали ее облик как науки фундаментальной, исследующей внутреннюю (сущностную) природу и причинно-следственные связи в хозяйственной деятельности и одновременно сочетающей качественные и количественные характеристики общественного воспроизводства, акцентирующей внимание на его социальных последствиях» ... И далее. Она «ориентирована на знание и понимание, а ее конечная цель – поиск истины, что определяет саму возможность принятия обоснованных решений в хозяйственной практике» [1, с. 21].

Но тогда с необходимостью возникает вопрос, *почему вообще классическая политическая экономия уступила свои позиции, каковы причины смены теоретических парадигм?* Ответу на эти вопросы посвящены пункты **1.2.** и **1.3.** книги – «Классицизм и неоклассицизм: причины смены теоретической парадигмы» [1, с. 22–33] и «Системный кризис неоклассической экономической школы» [с. 34 – 48].

Лейтмотивом содержания этих пунктов является попытка формирования авторского представления *о кризисе экономической науки*. В.Т. Рязанов подходит к этому на основе анализа теоретических взглядов ученых, исследующих ее *кризис* в разные периоды качественных изменений в хозяйственной жизни и соответствующих перемен в экономической политике [с. 22 – 28], *проблематизируя и дополняя* их выводы авторскими замечаниями, формирующими комплекс характеристик, позволяющих системно подойти к пониманию объективных оснований смены парадигмальных оснований научных направлений при сохранении возможности разных научных школ дополнять друг друга. Так, важными являются замечания ученого о том, что «кризис экономической науки может быть зафиксирован и в относительно более благополучные периоды с положительной экономической конъюнктурой, когда в научном сообществе возникают сомнения по поводу обоснованности и адекватности той или иной научной школы с точки зрения ее содержательной и инструментальной характеристик» [1, с. 22–23]. Или замечание о возможности научных революций сразу в нескольких направлениях как противоположных реакциях на возникшие проблемы в том

или ином направлении (например, марксистская и маржиналистская революции) [1, с. 22–27].

Вывод автора состоит в том, что «кризис экономической науки, ..., представляет собой исчерпанность парадигмального основания сложившейся научной школы, сопровождаемую несоответствием общепринятым критериям истинности и разрывом с реальной практикой многообразия хозяйствования» [1, с. 24]. Профессор выделяет и *признак остроты кризисного состояния*, – неспособность предложить точные и достоверные оценки новым процессам в экономике, не говоря уже о прогнозах» [1, с. 25]. Причем острота кризиса может вырастать до состояния «системного кризиса экономической теории». По мнению В.Т. Рязанова, это «... ситуация потери теоретической платформы, на основе которой можно объяснить современные процессы в экономике и определить направления будущего развития» [1, с. 36]. В.Т. Рязанов обозначает и пути к преодолению кризиса науки: «... критическая переоценка ранее используемых теоретических концепций с их понятийным и аналитическим аппаратом, перенацеливание экономической теории на адекватное отражение хозяйственных процессов и современный учет рождающихся явлений в новой экономике» [1, с. 25]. Другими словами, кризис еще и «импульс для преодоления застоя и в конечном счете развития самой науки» [1, с. 25]. Ученый останавливается на проблеме циклического характера кризисных процессов научных школ, отталкиваясь от гипотезы, выдвинутой А. Г. Худокормовым о циклическом чередовании кризисов классически-марксистской и либерально-неоклассической научных школ, которые к тому же совпадали с кондратьевскими длинными волнами конъюнктуры» [1, с. 25], правомерность которой, по мнению автора книги, объясняется и сменой общественных настроений в обществе на повышательной и понижательной фазах развития экономики [1, с. 26].

Следует обратить внимание и на обоснованное замечание ученого о том, что появление новых версий экономической науки «не закрывает возможности дальнейшего развития ранее используемых и даже опровергнутых теорий» [1, с. 26]. Особенно это значимо для понимания процесса накопления знаний экономической наукой, содержащей «корпус знаний... состав которого многообразен, в нем представлены как взаимодополняющие, так и альтернативные теории, конкурирующие между собой. ... от возможности возникновения кризисного состояния не застрахована ни одна научная школа» [1, с. 26].

Внимание к данным исходным предпосылкам продиктовано тем, что без них невозможно будет ответить на поставленный вопрос о месте и роли современной политической экономии, как в экономической науке, так и в политике, хозяйственной практике, а также «насколько ее потенциал фундаментального теоретического знания сохранился и имеет преимущественные позиции в сопоставлении с неоклассикой и другими научными направлениями в анализе происходящих процессов» в современной экономике [1, с. 29].

Последовательному критериальному анализу причин уступки позиций классической политической экономии неоклассической школе, а затем – системного кризиса последней посвящены вторая часть пункта 1.1. и пункт 1.2. Рамки статьи не дают возможность подробно остановиться на этом анализе, но хотелось бы подчеркнуть, – в нем столько важных авторских

акцентов и интересных «прострелов» в содержание будущих глав, что необходимо, хотя бы коротко, *выделить некоторые*.

Во-первых, это положение о том, что «как само появление политэкономического знания, так и его трансформация в неоклассическую теорию есть продукт не просто рождения новой формации – индустриального капитализма, но и в более широком контексте выступает результатом установившегося доминирования западной рыночной цивилизации распространения ее влияния по миру» ... Это равнозначно «действию многообразия онтологических предпосылок в возникновении и развитии научных школ» [1, с. 32–33]. Отсюда следует, по мнению автора, «...принципиальный вывод...Неточно считать единственной причиной смены парадигмы ... только перемены в технико-технологической базе производства или в производительных силах общества ... важно учитывать и то, что победа экономического рационализма и принципа экономизма в жизни западного общества с их проникновением в массовое общественное сознание, менталитет и поведенческую сферу ...победоносное шествие «экономического (рыночного) человека и занятие им командных высот в самых разных частях мира» не могли «не закрепить неоклассику как универсальный ключ к пониманию особенностей развития современной рыночной цивилизации и управлению хозяйственными процессами» [1, с. 32–33].

Этот вывод важен для российской экономической науки в двух аспектах. С одной стороны, насколько закрепление неоклассики в качестве ведущей парадигмы, навязываемое либерально нацеленными реформами, адекватно исторически сложившимся базовым ценностям, традициям экономического поведения и менталитета людей, присущих народам России и других стран СНГ, без чего невозможно понять направления преодоления давления неоклассической школы [1, с. 33]. С другой, – необходимость углубления разработки соотношения всеобщего и особенного в применении к исследованию национальной хозяйственной системы, что является предметом анализа в Главе 2.

Во-вторых, в исходных предпосылках, «формирующих методологическое ядро неоклассики», автор фиксирует, «что модель экономического человека, которому присуще рациональное поведение и методологический индивидуализм, а также равновесные схемы взаимодействия и устойчивость предпочтений уже превратились в оковы, мешающие качественному скачку в экономической науке» [1, с. 41]. ... «требуется смена курса в экономической методологии», опирающейся на междисциплинарный подход» [1, с. 42]. И далее: «невысокая практическая отдача науки есть следствие ее «бегства» от реальности... в этом направлении должен произойти разворот экономической науки в сторону изучения реальной экономики, а не абстрактных экономических моделей» [1, с. 43]. Но тогда становится очевидным, что «в настоящее время соревнование научных парадигм – это не только конкуренция с неоклассикой, но соотнесение и взаимодействие с другими альтернативными (неклассическими) течениями и школами» [1, с. 47], – разными направлениями кейнсианства (посткейнсианства), традиционным (старым) институционализмом и др. [1, с. 46]. Чем значимо усиление «нового кейнсианства» для политической экономии? Как считает В.Т. Рязанов, «обе научные парадигмы имеют свои разработанные и проверенные аппараты аналитики, прошедшие через горнила кризисов. Каждая из которых может претендовать на участие в очередной

переналадке существующей системы капиталистического хозяйства» [1, с. 48–49]. Поэтому «политической экономии предстоит найти свое место в нынешней сложной ситуации, не отказываясь от накопленного исторического опыта и вместе с тем расширяя проблемное поле за счет включения в исследовательскую практику новых явлений и тенденций в развитии мировой экономики», занимаясь улучшением своего методологического потенциала и аналитических возможностей [1, с. 49]. Раскрытию выделенных положений посвящен анализ, представленный в пункте 1.4., а также в главах 3 и 4.

Пункт 1.4 «Контурсы разворота в экономической теории: куда и для чего?» важен предложением одного «из возможных маршрутов, по которому могла бы пойти экономическая наука, имея в виду реализацию потребности в повышении полезности науки для общества и хозяйственной практики и в укреплении ее мировоззренческой позиции» [1, с. 68].

Для более глубокого понимания кризисных процессов в области экономической теории В.Т. Рязанов останавливается в данном пункте на оценке более существенных характеристик самого научного статуса экономического знания («его особой природы, места и роли в жизни общества, своеобразия используемых методов исследования и т.п.» [1, с. 49]. В первую очередь ощущение кризиса науки вызвало живой интерес к методологии экономического исследования (с 1980 г.), своеобразный «методологический бум» [1, с. 50]. При этом, понимая, что невозможно анализировать особенности методологии, не разобравшись в специфике «природы экономического знания и его своеобразия», автор значительное место уделяет этой проблеме, суть которой он видит в «...необходимости расширения предметного поля экономической методологии, предполагающего переход от теории метода как инструментальной части экономической теории к «эпистемологии, т.е. ...к теории экономического знания» [1, с. 50].

В чем же (по-нашему мнению, обоснованно) видится эта специфика автором книги? В первую очередь – в сложности проведения «в чистом (лабораторном) виде эмпирической верификации экономического знания». Хотя и, как замечает автор, исследования в этом направлении ведутся «экспериментальной экономикой», но «познавательные способности человека также ставят свои пределы в анализе объективно протекающих и непрерывно усложняющихся хозяйственных процессов, что особенно влияет на возможность приращения знания» [1, с. 51]

Здесь же В.Т. Рязанов затрагивает проблему роли субъективного фактора в осуществлении хозяйственных процессов, к которой он неоднократно будет возвращаться в разных частях труда. Обратим внимание читателей на этот аспект исследования, так как в современных научных работах, посвященных проблемам экономики, продолжается отождествление экономических и хозяйственных отношений, процессов; экономических и хозяйственных интересов; экономических и хозяйствующих субъектов. В этом отношении принципиально замечание автора: «...в хозяйственной жизни действуют не только зависимости и связи между отдельными процессами и явлениями в экономике, но должны учитываться мотивы и интересы индивидов и коллективов (групп людей) ... «экономическая наука имеет дело с отношениями между людьми, которые проявляются через их противоречия и столкновение интересов» [1, с. 50].

Сложность с универсализацией и унификацией хозяйственных процессов – вторая их особенность, влияющая на формирование

экономического знания, выделяемая ученым. Проблематизируя идею универсализации экономики, В.Т. Рязанов поднимает ряд важных, по-нашему мнению, вопросов не только для реализации концепции автора и развития содержания книги, но и для развития методологии экономической теории. В частности, – о разных трактовках места и роли экономики в разных цивилизационных сообществах (в недрах западного менталитета, в странах с восточной культурой, в православном христианстве) [1, с. 52]. Разве это не принципиально для понимания влияния генетического кода той или иной экономической системы на функционирование соответствующей хозяйственной системы? Другой важный вопрос, проблематизируемый исследователем, это открытие объективных экономических законов, что следует из тезиса об универсальности экономики. Границы статьи не позволяют остановиться на аргументах автора (предоставим читателям самим познакомиться с ними), на основании которых им делается вывод о том, что «...можно пользоваться понятием закона в области экономических отношений, но с большой степенью условности, трактуя его во всех случаях как *закон-тенденцию*, или как *вероятностный закон*, что более точно определяет его природу» [1, с. 53]. И далее, «изменение статуса закона на статус «правила и принципа», отражающих наличие причинно-следственных связей, не умаляет их объяснительной и аналитической возможности, так же как не отменяет действие долгосрочных тенденций в сфере экономики в качестве объективных закономерностей развития» [1, с. 54]. К этому вопросу автор в силу его важности снова возвращается в пункте 2.3 [1, с. 101–102].

Следующее своеобразие экономических процессов, «вносящих дополнительные трудности в формирование теоретического знания и проверку его правильности, ... – существенное влияние факторов случайности, а сами они выступают непрерывно изменяющимися и развивающимися» [1, с. 54]. Поэтому автор ставит проблему «динамической достаточности экономического знания, которое не должно ограничиваться статикой и равновесием хозяйственных процессов ... такая теоретическая конструкция противоречит и теории познания, и реальному состоянию современной рыночной экономики, для которой свойственны неустойчивость и неравномерность, а также нелинейный характер протекания хозяйственных процессов» [1, с. 55].

Проведенный анализ позволяет автору сделать вывод о том, что «современный кризис в экономической науке напоминает переход в фазу застойного кризиса, когда рецессия превращается в депрессию» [1, с. 55].

Важное место в этом параграфе занимает дискуссия ученых о нестандартном статусе экономической науки. В.Т. Рязанов последовательно анализирует трактовки экономической науки с точки зрения риторического подхода, дискурсивного анализа и вообще роли языка в познавательной деятельности. Из *выводов* после данного анализ обратим внимание читателей *на три. Во-первых*, «роль языка особенно важна в процессе понимания и истолкования, когда встает вопрос о распространении полученных знаний в обществе, что в равной степени касается возможностей их практического применения, обучения и элементарного информирования. Ведь общество и все его группы – не пассивные участники хозяйственных процессов. Для того, чтобы общество и хозяйство нормально развивались, политическая элита и социальные группы должны понимать, *что* происходит, принимать или не принимать те объяснения, которые ученые и политики им предлагают» [1,

с. 65]. *Во-вторых*, «научное познание в экономике образно можно представить, как движение по двум маршрутам. При укороченном (первом) варианте характер и возможности отображения хозяйственного бытия автоматически определяется мыслительной деятельностью ученых и их конкретной способностью проникнуть в суть происходящего. В этом случае от лингвистического фактора можно абстрагироваться, а истинность выдвигаемых положений подтверждается обратным обращением к хозяйственной практике. Выбор второго маршрута предполагает более длительный двухэтажный процесс познания. При помощи мыслительной деятельности обеспечивается исследование хозяйственной реальности, а затем наступает этап упорядочивания наблюдаемых фактов, их систематизация, формулирование гипотез и окончательных выводов, что предопределяет вступление в сферу языковых феноменов» [1, с. 66]. *В-третьих*, «...неоднозначность и дискуссионность проблемы о роли языка ... в экономической теории на самом деле отражает более общую проблему ее соотношения с хозяйственной жизнью и практической пользой для общества» ... историю поиска приемлемого сочетания теоретической и практической функции экономической науки [1, с. 67].

Только после проведенного в пункте 1.4. анализа В.Т. Рязанов предлагает один из маршрутов преодоления кризиса науки, «по которому могла бы пойти экономическая наука, имея ввиду реализацию потребности в повышении полезности науки для общества и хозяйственной практики и в укреплении ее мировоззренческой позиции» [1, с. 68]. Основные идеи данного предложения: 1) целесообразность «возвращения экономической науки к своим изначальным истокам, когда она относилась к разряду морально-этических наук. Переход от натурцентризма в пользу антропоцентризма (культуроцентризма, социоцентризма) дает возможность превратить действующего экономического агента из хозяйствующего субъекта с ограниченными характеристиками в человека во всей полноте его качеств, раскрытие которых становится главной целью социально-экономического анализа» [1, с. 68]; 2) «возрастание внимания к качественному анализу происходящих в экономике процессов с его ориентацией на неравномерность и неопределенность хозяйственных процессов ... полномасштабное развертывание междисциплинарных исследований ... смена в направлении формирования «качественной методологии», опирающейся на междисциплинарный подход и не исключающей целесообразность использования количественных параметров и формализованных моделей» [1, с. 68–69].

Заканчивая параграф, автор задается вопросом: «Что это даст?». Отвечая на который, подчеркивает: позволит «больше внимания уделить многообразию моделей хозяйства с многовариантностью путей экономического развития» (а это проблема соотношения всеобщего и особенного); «к использованию «точечного подхода», обращая внимание не только на всеобщее и особенное, но и на разного рода проявления единичного и уникального в экономике, рассматривая их не как отклонение, а как ее нормальное состояние»; для возрождения классической политэкономии при такой смене ... предстоит найти свое место в системе экономического знания, ища ответы на возникающие исследовательские и практические задачи за счет более плотного взаимодействия и синтеза с перспективными научными

направлениями, расширяющими ее познавательный и аналитический потенциал» [1, с. 69].

Глава 2: «Политическая экономия России: диалектика всеобщего и особенного» [1, с. 70–136], на наш взгляд, занимает особое место в авторской концепции современной политической экономии. В ней «речь идет о том, в каком качестве национальные системы хозяйства выступают в определении предмета и объекта политической экономии» [1, с. 71]. Обратим внимание на ключевые проблемы, обсуждаемые в ней: 2.1. Всеобщее и особенное в экономике: диалектика начала; 2.2. Новые области изучения хозяйственной жизни: границы политической экономии; 2.3. Проблемы взаимосвязи особенного и всеобщего; 2.4. Национально-особенное в экономике и его отражение в политической экономии; 2.5. Россия как цивилизация Севера в евразийском пространстве; 2.6. Институционализм и его возможности в исследовании хозяйственного строя России. Уже простой перечень исследуемых теоретических проблем говорит о методологическом замысле автора, интригующем читателей его реализацией применительно к главной цели работы ученого.

Пункт **2.1.** неслучайно посвящен проблеме становления капитализма. Это связано, во-первых, с тем, что «объяснение его современной природы и определение исторических перспектив данного способа производства» во многом зависит от характеристики процесса становления капитализма [1, с. 70–71.] Во-вторых, – понимание процесса трансформаций в экономике России и разрешение ее сложных комплексных проблем неразрывно связано с исследованием социально-экономической природы этой трансформации.

По мнению ученого, ответ на вопрос, «почему и как возник капитализм, предполагает объяснение двух отличающихся процессов трансформации... Это: превращение натурального хозяйства в рыночное, а затем превращение рыночного хозяйства в его капиталистическую версию» [1, с. 71]. Можно это считать, по-нашему мнению, *исходной предпосылкой* анализа, которая выводит на проблему (весьма дискуссионную) о *соотношении рынка и капитализма*. «Довольно распространенным и активно внедряемым в массовое сознание выступает тезис об их неразрывности, который завершается выводом об их тождественности... Что это далеко не так, замечает В.Т. Рязанов, свидетельствует историческая практика...» [1, с. 72]. Опираясь на анализ типологии хозяйственных систем (очень советую внимательно прочитать эти страницы – 72–73), автор обращается к возникновению политической экономии как науки, замечая, что она «возникла в период утверждения капитализма, а ее предметом и объектом выступало капиталистическое рыночное хозяйство западного цивилизационного типа» [1, с. 74]. Последнее чрезвычайно важно в том смысле, что как бы «...имплицитно предполагалось, что такая капиталистическая трансформация рыночного хозяйства носит объективный (универсальный) характер, и все экономики рано или поздно должны пройти такой путь» [1, с. 74]. Более того, автор подчеркивает, что «в значительной степени такая универсальная схема становления капитализма представлена в «Капитале» К. Маркса... методологический прием, подтверждающий такой подход... выбор им товара в качестве исходной (элементарной) клеточки капиталистического способа производства...» [1, с. 74]. По мнению В.Т. Рязанова, это оправданно, «если утверждение капитализма рассматривать в качестве закономерного результата хозяйственной эволюции западного типа цивилизации» [1, с. 74]. Однако (и

снова проблематизация) «в ней присутствуют определенные упрощения и потери» [1, с. 74]. Далее следуют обоснованные доводы ограниченности такой трактовки.

Обойти в обзоре эти доводы невозможно, так как они составляют своеобразный методологический лейтмотив не только главы, но и книги. «Во-первых, при такой трактовке из анализа исключается предшествующая рынку фаза в хозяйственной деятельности, связанная с натуральным типом производства, не говоря уже о том, что эта фаза представляла собой значительно более длительный период в истории мирового сообщества и его локальной цивилизации, ... исключаются все формы нерыночного хозяйства» [1, с. 74–75]. При этом «дориночные формы хозяйства в виде архаичных (эксплоярных) форм сохранились даже в условиях всеобщности рыночных отношений в современном развитом капитализме» [1, с. 75]. Во-вторых, проблематизируется методологическая роль товара как «исходной клеточки», как простейшего звена в хозяйственной деятельности, которое «при этом обладает свойством всеобщности и которое в своей последующей эволюции превращается в сложное (зрелое) целое» [1, с. 75]. «Можно ли рассматривать товар как такое неразвитое, но и всеобщее целое», – задается вопросом автор [1, с. 74]. Отвечая на него, ученый подчеркивает: «Что касается товара, то он представляет собой такое простое целое..., которое является всеобщим относительно становлению и развитию западного капитализма. В этом смысле товар не всеобщее, а особенное начало в экономическом развитии, воплотившееся в действительной истории стран Запада» [1, 76]. (Казалось бы, парадоксальный вывод, но, методологически, на наш взгляд, очень важный). В незападном ареале мирового сообщества путь от рыночного хозяйства к его капиталистическому варианту не может считаться универсальным в первую очередь с точки зрения исторической правды [1, с. 76]. Этим странам «такой переход ... либо вообще не удастся, либо приводит к таким потерям и издержкам, которые противопоказаны их природе и оборачиваются глубоким погружением в периферийную и эксплуатируемую зону мирового капитализма» [1, с. 76].

Вывод первый, к которому приходит автор, состоит в том, что «истинным признаком универсальности и всеобщности характеризуется первая стадия превращения натурального хозяйства в рыночное, что отражает объективный процесс развития производительных сил и растущие потребности в обществе» [1, с. 76]. Вывод второй касается исторической развилки дальнейшего развития по двум траекториям: формирование капиталистического рыночного хозяйства и сохранение предшествующего рыночного типа хозяйства с попыткой перехода к пострыночной экономике, минуя фазу сложившегося и развитого капитализма» [1, с. 77]. Наконец, общий вывод: «...неразрывность рынка и капитализма представляет собой по преимуществу идеальную модель, которая при определенных условиях может реализовываться на практике, но чаще всего применима в качестве теоретической конструкции» [1, с. 78].

Остается вопрос: «как тогда быть с кажущейся слитностью рынка и капиталистического производства, и обмена?» [1, с. 78]. Опираясь на исторические факты, В. Т. Рязанов отмечает, что «... капиталистический способ производства зарождался не с опорой на рыночные отношения в их подлинном значении, а через их ущемление» через разные формы первоначального накопления капитала, через ограбление разными способами

периферии в формирующейся мировой капиталистической системе хозяйства [1, с. 78–79]. Кроме того, даже в тех странах, где превращение рыночного хозяйства в капиталистическое происходило успешно, процесс «объясняется благоприятным и уникальным сочетанием и взаимодействием экономических и неэкономических причин, объективных и случайных факторов... такое превращение более обоснованно рассматривать как аномальный вариант, возникший в тот исторический период, на основе которого сформировался особый путь общественно-экономического развития в мировой цивилизации со своими преимуществами и недостатками» [1, с. 80].

Почему на этом концентрируем внимание читателей? Дело в том, что дальше следует важное замечание автора: «Последующие события в продвижении капитализма – это история о том, как аномалия в экономическом развитии превращается в образец экономического успеха и подражания», ... благодаря возможностям «в развитии производительных сил и достижениям в экономическом прогрессе за счет институциональных и технологических нововведений ... аномалия в хозяйствовании ... приобретает характер прогрессивной траектории развития» [1, с. 80].

Завершение капиталистического строительства и его развитие совсем не означало утверждение рыночных отношений в их классическом понимании как формирующих капитализм свободной конкуренции, постепенно шел процесс их деформации в процессе перехода к монополистическому капитализму «как наиболее адекватному природе капиталистических экономических отношений» [1, с. 81]. Заканчивая анализ поставленной проблемы в этом пункте, автор уточняет, что и в поздних суждениях К. Маркса «само предположение о многовариантности и нелинейности общественно-экономического развития» нашло свое отражение [1, с. 81].

Тем самым В.Т. Рязановым был подготовлен анализ следующих проблем – о новых областях изучения политической экономией хозяйственной жизни (2.2.), о взаимосвязи всеобщего и особенного (2.3), о национально-особенном в экономике и его отражением в политической экономии (2.4).

Расширению методологического поля политической экономии на основе анализа и проблематизации подходов, представленных в различных школах экономической науки, посвящен пункт 2.2. Данный анализ подчинен главной цели – формированию проблемного поля современной политической экономии. Хочется обратить внимание на корректность и уважительное отношение автора к идеям, представленным в научных школах, в рамках их проблематизации, в которой ученый опирается на базовые основания научных подходов, а не осуществляет критику по принципу: «я думаю по-другому»; учитывает специфические исторические социальные, хозяйственные, политические обстоятельства и условия их возникновения. Это позволяет увидеть в них те рациональные зерна, которые могли бы послужить реализации главной цели книги, а главное выделить аспект и уровень их включения в новую политическую экономию.

Первый этап анализа представлен акцентированием внимания автора на развитии экономической науки от классической политической экономии, опиравшейся на становление капитализма в Англии, с претензией «на универсальность политэкономического анализа» и возможности «его применения независимо от пространственных и временных координат» к рождению альтернативы в виде «историко-этической школы» или «школы национальной экономии», «получившей распространение во многих

европейских государствах, особенно в Германии, а также в России», которую «можно считать... проявлением особенного в политической экономии, который выдвигался ее основателями в качестве альтернативы варианту всеобщего» [1, с. 82–83]. Поэтому неслучайно, значительное место уделено анализу заслуг одного из первых представителей школы национальной экономики – Ф. Листа и его работы «Национальная система политической экономии» [1, с. 83–88].

На втором этапе анализа В.Т. Рязанов обращается к характеристике неоклассической школы, которая, по мнению автора, «переломила диалектическую традицию классической политической экономии, обособив и еще более жестко закрепив доминирование всеобщего в качестве одного из базисных методологических принципов», хотя в ней, «по сути дела, полностью не исключена его взаимосвязь с частными формами проявления экономических отношений и закономерностей экономического развития», ... однако особенное в этом сочетании занимает второстепенное место, существующее вне взаимосвязи с всеобщим» [1, с. 88]. Не умаляя заслуг этой школы, ученый шаг за шагом обращает внимание на ограниченность ее методологии. Акцентирование внимания «на всеобщем на основе исследования экономического поведения в контексте рациональности (или иррациональности) имеет определённую познавательную ценность и практическое значение, которые связаны с описанием одной линии в развитии мирового хозяйства, а именно либерально-рыночной моделью хозяйства западного типа» [1, с. 90]. Однако Виктор Тимофеевич видит в такого рода однолинейном подходе противоречия: 1) «многоликости устройства хозяйственного мира и присутствию в нем непохожих, а порой и расходящихся траекторий развития»; 2) собственному историческому опыту и традициям хозяйствования тех стран, «которые пытаются свою стратегию модернизации строить на основе заимствований и копирования эффективно работающих хозяйственных систем, возникших в иных условиях» [1, с. 91]. Анализ ограниченности этого направления ценен еще и целым рядом замечаний автора относительно превращения человеческого ресурса в разновидность «человеческого капитала», к которому он будет неоднократно возвращаться на протяжении всей книги.

Завершая анализ отличий в подходах к расширению проблемного поля науки, В.Т. Рязанов отмечает: 1) «неоклассика пошла по пути расширения проблемного поля «по горизонтали», преодолевая суженный подход в определении своего предмета» (попытка внедрения экономического анализа во внеэкономическое пространство, о чем свидетельствует появление соответствующего подхода с позиции экономической рациональности в изучении семейных отношений, преступности ... и т.п., которое оформилось в виде «экономического империализма»; 2) «... расширение проблемного поля «по вертикали», когда само экономическое пространство дополняется более детальной сегментацией, раскрывающей его более сложную структуру и неоднородность» – ... по этому пути должна двигаться неомарксистская политическая экономия, преодолевая противостояние классической политической экономии исторической школе [1, с. 92].

Поэтому, делает вывод В.Т. Рязанов: «проблемное поле современной политической экономии ... должно включать как всеобщие, так и особенные формы проявления экономической деятельности в их взаимосвязи ... Экономические отношения между хозяйствующими субъектами в

воспроизводственном процессе не отвергают включения в их состав национальных сообществ, т.е. «национального человека» как хозяйствующего субъекта – агента. Значимость подсистемы национальных экономических отношений подтверждается многоликостью национальных хозяйственных систем, определяя важность учета национального аспекта в социально-экономическом развитии» [1 с. 92].

Очевидно, что тем самым ученый подводит читателя к необходимости разобраться в проблеме взаимосвязи особенного и всеобщего, чему посвящен анализ в параграфе **2.3.** данной главы. Читатели, которые знакомы с работами В.Т. Рязанова знают, что эта проблема была предметом размышлений ученого и ранее как отражение осмысления процессов трансформации экономики в России. Поэтому неслучайно в данном пункте автор, несмотря на многоаспектность соотношения особенного и всеобщего в экономике, выделяет «не менее существенный аспект, связанный с более подробным изучением национального фактора в экономическом развитии», который вызывает дискуссии и неоднозначные оценки среди экономистов [1, с. 93]. Скрупулёзность в исследовании и уважение автора к работам и идеям других ученых, проявивших внимание к соотношению всеобщего и особенного в экономике и экономической науке, предопределили содержание этого пункта как заочной дискуссии с ними по разным аспектам обозначенной проблемы: 1) в рамках «спора о методе» между Г. Шмоллером (немецкая историческая школа) и К. Менгером (австрийская экономическая школа); 2) дискуссия российских экономистов о значимости научного статуса национального своеобразия страны как элемента теоретического экономического знания, в том числе применительно к преподаванию экономических дисциплин (в 1990-е гг.); 3) в рамках «актуализации проблемы обоснования стратегии экономического развития страны и, соответственно, выбора политики реформирования»; 4) дискуссия о «характеристике учебной дисциплины, нацеленной на изучение национальной специфики в экономике»; 5) в рамках общефилософского подхода к диалектике взаимосвязи всеобщего, особенного и единичного. Заочная дискуссия ученого по отмеченным вопросам, аргументация его позиции представляют, безусловно, научный интерес, но цели статьи вынуждают обойти их, надеясь, что читатели к этому обязательно вернуться [1, с. 93–94]. Остановимся на выводах автора, которые не противоречат общефилософскому подходу к диалектике взаимосвязи всеобщего, особенного и единичного. Во-первых, «... современное политэкономическое знание, как и любая сложившаяся системная парадигма, должно не ограничивать себя разработкой одностороннего среза хозяйственной деятельности, а расширять свое проблемное поле за счет включения в него особенного в систему экономических отношений...общая теория, дополненная изучением особенного в экономическом развитии, сама приобретает большую полноту и завершенность, позволяя соединить общее и особенное» [1, с. 97]. Во-вторых, «... эмпирически наблюдаемое многообразие хозяйственной жизни достаточно адекватно отображается через диалектику взаимосвязи всеобщего, особенного и единичного. Так в научном сознании обеспечивается упорядочивание сложно организованного хозяйственного бытия» [1, с. 102]. В-третьих, «область проявления единичного – это хозяйственная жизнь в многообразии ее эмпирической данности и событийности ... Но само «единичное» «как сторона конкретной целостности в силу указанных выше обстоятельств не может войти в ткань экономической науки ... Однако единичные события могут

приобретать повторяющийся и упорядоченный характер, и тогда «единичное» превращается в «особенное» или «всеобщее», оттеня динамизм и изменчивость экономических отношений... Собственно на такой основе ... и рождается всеобщее и особенное в диалектическом единстве в хозяйственном бытии, которое и определяет две взаимосвязанные стороны политэкономии» [1, с. 102–103]. В-четвертых, что касается национальной политэкономии (политэкономии особенного) ..., то «речь идет о расширении проблемного поля политической экономии как науки, которая воспроизводит традицию и использует аналитический аппарат близких по духу и содержанию научных школ» [1, с. 103]. В-пятых, учебную дисциплину, «реализующую национальную специфику России в экономике ... целесообразно определять в варианте «хозяйственный строй России» [1, с. 104].

Проблеме национально-особенного в экономике и его отражению в политической экономии посвящен параграф **2.4.** книги, содержание которого разворачивает и углубляет общие положения предыдущего параграфа, опираясь на следующие положения, обозначенные автором, которые, по нашему мнению, можно рассматривать как методологические предпосылки: 1) «структура современной политэкономии должна адекватно отражать структуру экономических отношений, выделяя в ней взаимосвязь всеобщего и особенного как составных частей системной парадигмы»; 2) «... чтобы полнее учесть такую взаимосвязь в характеристике хозяйственного строя, требуется опираться не только на формационный, но и на цивилизационный подход ... Прежде всего это касается определения специфики национальных экономических отношений, в содержании которых присутствует как всеобщее, так и особенное, что выражается в соответствующем разграничении проблемного поля двух составных частей политической экономии»; 3) «со стороны особенного политэкономия нацелена прежде всего на изучение системы экономических отношений в различных странах ... У всеобщего в политэкономии иной ориентир, связанный с задачей исследовать проявление общих закономерностей экономического развития и совпадающие характеристики в хозяйственном устройстве разных стран и всего мирового хозяйства как формирующейся целостности. ... всемирное хозяйство и национальная экономика как объекты политэкономического анализа представляют собой области диалектического взаимодействия всеобщего и особенного в экономических отношениях, поскольку их реальное бытие неотрывно друг от друга» [1, с. 105].

Логика исследования проблемы, вынесенной в заголовок параграфа, предполагает рассмотрение форм проявления всеобщего и особенного в экономике, на чем и сосредоточено внимание ученого в дальнейшем анализе. Всеобщее в экономике, по мнению автора, «можно представить трояким образом»: 1) «всеобщее как совпадающие (общие) предпосылки, свойства и факторы развития, экономические институты и хозяйственные инструменты, присущие разным общественно-экономическим системам, ... прохождение однотипного формационного устройства через схожие фазы в своем развитии»; 2) «всеобщее как наиболее развитое качество (эталон) и доминирующая линия в мировой экономической системе, на которые ориентируются другие национальные экономики ... Эталоном выступает страна, которая характеризуется как высшая форма развития данного хозяйства» (первый вариант), – положение, по мнению автора, в современных условиях требующее определенной корректировки. ... «В виде эталона может

рассматриваться определенная теоретическая конструкция, раскрывающая обобщенное состояние данной системы» (например, модель совершенной конкуренции или модель совершенного планирования) (второй вариант) [1, с. 106]; 3) «всеобщее как объективное свойство самой мировой системы хозяйства может выступать в единстве и многообразии национально-особенных подсистем» ... «сохраняющаяся множественность национальных экономических систем, а внутри их – разнообразие форм хозяйствования, должны рассматриваться в качестве всеобщего свойства мировой хозяйственной системы и признака самого развития» [1, с. 106–107].

Так как «всеобщее в экономике не следует рассматривать как что-то существующее независимо от особенных форм хозяйствования», то значительное место в анализе В.Т. Рязановым уделяется формам особенного в экономике. «Особенное в экономике проявляется уже в расходящихся значениях, которые принимает сама экономика и хозяйственные процессы в жизни разных цивилизаций и обществ». Здесь важно замечание ученого о несовпадении в понимании исходной экономической единицы «богатства» в разных цивилизационных системах, которое «разворачивается в обширный спектр последующих различий в экономическом устройстве» [1, с. 107]. Важно, по-нашему мнению, еще и потому, что в последние годы все реже в экономических исследованиях обращается внимание на социально-экономическую форму исходного отношения и его связь с основным отношением в экономических системах. В.Т. Рязанов выделяет *три основные сферы проявления особенного в системе экономических отношениях*. «Во-первых, особенное как различающиеся национальные модели экономики (рыночной и нерыночной, а внутри рыночной – ее конкретные разновидности). ... всеобщее выступает как их совокупность, образующая мировое хозяйство.... Во-вторых, особенное – исторически подвижные элементы в хозяйственном устройстве страны. Тогда всеобщее – это исторически устойчивые, корневые элементы, существующие в основании каждой модели хозяйства. Тем самым оппозиция «всеобщее–особенное» возникает не только на уровне мирового хозяйства, но имеет проявления и внутри самих национальных хозяйственных систем. В-третьих, особенное как обширная область проявления неэкономических отношений. В этом случае всеобщее выступает как собственно сфера экономических отношений ... в неэкономической сфере обнаруживается самый большой пласт отличий, которыми характеризуются отдельные общественно-экономические системы как цивилизационные» [1, с. 108–109]. Заметим, поэтому неслучайно целый параграф 2.6 выделяется автором для анализа институционализма и его возможностей в исследовании хозяйственного строя России. Этому вопросу мы уделим внимание в следующей – второй части нашего обзора книги. Наконец, «особенное как объективная сторона экономической жизни может принимать более выраженную (предельную) форму через превращение в «уникальное» – ... это то особенное, которое возникает в конкретно-исторической системе общественно-хозяйственных координат и в другой системе, как правило, не приживается. Самым его характерным признаком становится неповторимость ... из трактовки уникального закономерно выводится идея «особого пути» развития, исключая другие наличные варианты. ... «уникальное» указывает на альтернативность в развитии и на наличие расходящихся линий в общественно-экономической жизни, которые ранее исторически воплощались

в реальной хозяйственной жизни или действовали в виде неустойчивых или нереализованных альтернатив в новой истории» [1, с. 110].

Заканчивая параграф, автор подчеркивает значение той части политической экономии, которая построена на анализе национально-особенного в экономике: расширение проблемного поля политической экономии за счет включения в него национально-особенного в системе экономических отношений позволяет приобрести ею «не только дополнительную теоретическую полноту и целостность, но и реализует свое практическое применение в обосновании нынешних преобразовательных процессов с их ориентацией на социокультурный контекст, придавая и органичность, и выход на траекторию развития на собственной основе» [1, с. 111–112]. При этом выделим замечание автора о значении «включения в состав хозяйствующих субъектов этноса (нации): «Именно в этнической среде формируются целостная совокупность базовых ценностей и поведенческих норм как устойчивых» ... что важно, чтобы иметь более точные представления о специфике и возможностях хозяйствования в конкретной этнической среде» [1, с. 111].

Подводя итог первой части обзора книги, подчеркнем, что методологическая его заострѐнность связана в первую очередь с тем, что без выверенной методологии, как нам представляется, невозможно построить современную политическую экономию. Во-вторых, – с надеждой на то, что на предстоящем весной целом ряде научных событий (международные конференции, конгрессы, форумы) состоятся дискуссии по методологическим идеям и проблемам, затронутым в книге В.Т. Рязанова. Наконец, еще и с тем, что это позволит во второй части обзора методологически выверенно подойти к главной теме книги – современной политической экономии.

Список литературы

1. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. 436 с.

Об авторе:

КАРАСѐВА Людмила Аршавировна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории Института экономики и управления, Тверской государственной университет, (170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0717-8971, SPIN-код: 7173-0098.

AN INNOVATIVE VIEW OF THE METHODOLOGICAL AND ANALYTICAL POTENTIAL OF CLASSICAL POLITICAL ECONOMY PART I. BOOK ON ENHANCING THE UTILITY OF SCIENCE FOR SOCIETY AND ECONOMIC PRACTICE

L.A. Karasyova

FSBOU “Tver State University”, Tver

The review of the new book of Victor Timofeyevich Ryazanov "Modern political economy is submitted: the prospects of neomarxist synthesis" [1] – the famous scientist-political house-keeper, the Doctor of Economics, professor, the honored worker of the higher school of the Russian Federation, the head of the department

of the economic theory of St. Petersburg State University, very significant, according to us, on depth of the professional analysis of the methodological and analytical potential for its development and modern use put in classical political economy; Research into contemporary problems of global monopolistic capitalism and its economic practices, prospects and directions of social and economic development; By the number of interesting ideas, methodological and theoretical shots, reflections and conclusions. The first part of the review is devoted to the analysis by scientists of the problem of the crisis situation in economic science, the justification of the need for reversal in economic theory, as well as new approaches both in social sciences, ideology and social and economic practice.

About the author:

KARASJOVA Ljudmila Arshavirovna – doctor of economic Sciences, Professor, head of economic theory Department, Institute of Economics and management, Tver state University, (170100, Russian Federation, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru

References

1. Rjazanov V.T. *Sovremennaja politicheskaja jekonomija: perspektivy neomarksistskogo sinteza*. SPb.: Aletejja, 2019. 436 s.